

нополь встретил Хемницера пожаром, бушевавшим 60 часов и уничтожившим две трети города. «Чернь» вину «возносила» на русских. «что будто они зажгли по причине Крыма или лучше сказать, чтоб занять их кроме Крыма другим» (57). Незадолго до приезда Хемницера в Смирну «рагузейцы с славянами перерезались; мщение за мщение, и, наконец, сделавшись война общою, славяне все бросились было к рагузейскому консулу в дом, которой по счастью успел спастись в доме голландского консула, где высидел он 2 недели карантину, пока все утихло» (75). Местные жители, особенно православные, с напряжением и страхом ожидали новой войны. Эта тревога накаляла обстановку и порождала мгновенно распространяющиеся слухи. Стоило вечером драгоману (переводчику) и янычарам заехать к Хемницеру по незначительному и вовсе не секретному делу, как российского консула «успели уже иные турками повесить, другие в части изрубить, и как кому рассудилось». «При всем том, однако, о чем турки и не думали, теперь в голову прийти им может», — писал Хемницер о домысле, который мог показаться мусульманам Смирны не такой уж нелепой идеей. В этих условиях пребывание в Порте требовало от генерального консула большой выдержки, твердости духа и умения «наружно играть политического актера» (84, 86). Солдат, баснописец, специалист в области минералогии, он никогда ранее не сталкивался с дипломатической службой, и в своей деятельности руководствовался не опытом, а пониманием или, скорее, интуитивным чувствованием политического интереса России. Хемницер сразу уловил, что первый глава открытого в Смирне российского консульства должен был прежде всего укреплять статус Петербурга в глазах турецких властей, местного населения и представителей европейских государств. Присущая дипломатии повышенная знаковость каждого штриха в придворный восемнадцатый век была особенно ощутима на Востоке.³ Именно это имел в виду Хемницер, когда писал: «Турки не что иное, как фарс, да и я в их земле — фарс» (82).

Для престижа России была важна уже сама атмосфера прибытия полномочного представителя в Смирну. В «Журнале поездки» Хемницер с пристрастием отмечает, что яхта с генеральным консулом на борту отбыла из Царьграда по именному повелению, дав в честь российского полномочного посланника 7 пушечных выстрелов. В Смирне их приветствовал сначала «цесарский купеческий корабль» пятью залпами, «потом салютацию делали все прочие» (401—402). Толпы народа собрались на набережной смотреть приезд консула из Петербурга. Стремление возвысить достоинство

³ Во время путешествия по Европе Хемницер также с типичным для своего времени пристрастием фиксировал чисто внешние декоративные атрибуты государственной власти — смотр полков французской гвардии, открытый ужин в Версале, ритуал приветствия короля в придворной церкви и т. п.